

А. ПОЛАДЯН, *Курды в VII—X веках по арабским источникам*, Ереван, изд-во АН АрмССР, 1987, 129 с.

Ранний (средневековый) период—наименее исследованный отрезок истории курдов, одного из интереснейших народов Передней Азии. Это обусловлено, в частности, следующими обстоятельствами: во-первых, чрезвычайной скудостью релевантных источников, во-вторых, отсутствием памятников на языке самих курдов и, в-третьих, расплывчатостью (неопределенностью) этнического обозначения «курд» в средневековых источниках, особенно арабских (содержащих сравнительно больше материалов о курдах и поэтому послуживших основой для рецензируемой монографии): как известно, в них термин «курд» часто имел социальную коннотацию, являясь общим названием кочевников и скотоводов вообще, в результате чего трудно отличить подлинных курдов от, скажем, курдов-белуджей или курдов-луров и т. п. С самого же начала следует отметить, что автор данной работы, путем критического подхода, сумел преодолеть эту преграду, верно выделив те контексты, в которых речь идет о курдах, являющихся непосредственным объектом его исследования.

Работа состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении вкратце даются история вопроса, отмечается, что данная тема до сих пор не являлась предметом специального рассмотрения. И это действительно так. Работы по древней истории курдов (кроме некоторых исключений: В. Минорский, Д. Маккензи и т. д.) написаны, как правило, в духе романтических тенденций и порою ничего общего с наукой не имеют. Средневековый же период (особенно период Халифата, почти полностью охватываемый в работе) чаще всего обходили молчанием.

В первой обзорной главе рассматриваются вопросы, связанные с зарождением курдо-арабских взаимоотношений, восходящих ко времени первых арабских походов (30—40 гг. VII в.). До этого курды, по мнению автора, обитали преимущественно в Джибале (юго-западные области Ирана, а также часть исторической Мидии). Такая локализация почти соответствует той прародине курдов, которая восстанавливается ныне на основе лингвистических данных, т. е. Центральный Иран: район, занимающий приблизительно северную или северо-восточную часть провинции Фарс (миграции же курдских племен на север, особенно на территорию нынешней Восточной Турции (Западная Армения), произошли намного позже: спорадически с X—XI вв., а в основном—после XVI в.). В этой главе описывается в основном период арабских завоеваний с акцентом на населенные курдами районы. Во второй же главе прослеживается положение курдов в составе Аббасидского халифата. Курды, как показывают исторические факты, к арабским властям относились далеко не лояльно, о чем свидетельствуют многочисленные восстания. Автор особо останавливается на восстании курдов в Мосуле, имевшем место в конце 30-ых гг. IX в. и возглавляемом Джафаром ибн Фахарджисом (с. 40—41). Это восстание является наиболее значительным анти-арабским выступлением курдов в период арабского владычества. Начавшиеся с середины XI века курдские волнения носили стихийный характер, возникали независимо друг от друга и не были взаимосвязаны. Восстановление полной картины этих выступлений, ввиду отрывочности сведений, сопряжено с определенными трудностями; особенно трудно выявить их характер и социально-экономическую платформу. Довольно много места (с. 56—61) отведено в работе деятельности курдского феодала и военного деятеля Дайсама ибн-Ибрагима ал-Курди, сыгравшего заметную роль в политической жизни Халифата первой половины X в. Стремления Дайсама были на-

целены главным образом на приобретение политической независимости в Атурпатакане. Вообще, автору удалось обрисовать довольно цельную картину истории курдов этого периода, хотя, разумеется, не все вопросы, связанные с курдами, получают здесь освещение на должной высоте. Это и не удивительно (и ставить в упрек автору данное обстоятельство, по нашему мнению, не следует), ведь ему пришлось добывать материал по крупицам среди разрозненных, порою весьма противоречивых и отрывочных сведений арабских авторов о курдах.

Именно к периоду наиболее тесных курдо-арабских взаимоотношений восходит, по мнению А. Поладяна, версия об арабском происхождении курдов (с. 80—81). Однако эта версия возникла не для сглаживания курдо-арабских противоречий, как считает он, а скорее благодаря воззрениям о престижности происхождения от господствующей нации. Это версия, вероятнее всего (вопреки утверждению автора), появилась сначала в курдской среде, а затем распространилась среди арабов и в дальнейшем перекочевала в сочинения арабских историков. Последнее подтверждается данными автора о том, что такая версия разрабатывалась в тех областях, где преобладало курдское население (с. 80).

В последней главе, основываясь на данных арабской историографии и побочных источников, исследователь воссоздает общую картину распространения курдских племен в Мосуле, Джибале, Джазире, Хузистане, Луристане и Фарсе. «В рассматриваемый период,—отмечает он,—у курдских племен преобладали патриархально-племенные отношения» (с. 74). Выделение и характеристика курдских племенных образований также представляло определенную трудность, поскольку употребляемые арабскими авторами родоплеменные наименования (кабила, ашира, таифа, джамаа, джил и т. д.) применительно к курдам обычно носили условный характер (с. 74).

Арабские источники при изложении событий VII—X вв. часто упоминают курдов и в исторической иранской области Фарс; отмечают они, в частности, пять курдских поселений, которые называются ими р/эм (р/зам, не зум!). Автор вполне правильно, следуя В. В. Бартольд, выбирает второй вариант чтения данного слова, исходя из того, что подобные искажения в арабских рукописях были обычным явлением. К тому же, в этом случае можно будет возвести это слово к др.-иран. корню *zam—«земля». Развитие семантики происходило, видимо, следующим образом: сначала «земля, земельный участок, населенный определенным племенем», далее—«название поселения». Если эта догадка верна, то мы можем сказать, что фонетический переход др.-иран *m>курд. v/w в X в. еще не имел места. Нельзя исключать, однако, то обстоятельство, что указанные поселения в Фарсе могли быть не подлинно курдскими и что под термином «курд», употребляемым в этой связи в арабских сочинениях, скрывается понятие *кочевник* или *скотовод* вообще. В этом случае рассуждения о фонетическом переходе *m>v теряют силу.

В данной главе специальный раздел посвящен занятиям и языку курдов. По сведениям арабских источников, можно сказать, что в VII—X вв. курдское общество было преимущественно кочевническо-скотоводческим (с. 89—90). Этим, а также рядом военно-политических обстоятельств обусловлен, как правильно пишет автор, начавшийся примерно с VIII в. процесс миграции курдских племен в различные области Халифата (с. 90). Это явление было свойственно и другим скотоводческим обществам средневековья.

Автор, по-видимому, прав, считая, что в VII—X вв. у курдов не было письменной литературы, однако утверждение о том, что классическая литература курдов восходит к X—XI вв., следует считать необоснованным¹.

В данном разделе, на наш взгляд, следовало дать общую характеристику курдского языка—одного из богатых архаическими чертами (в фонетическом и лексическом

¹ Ср. D. N. Mackenzie, *Māla-é Jizri and Faqī Tayrān (Yadname-ye Irāniye Minorsky)*, Tehran, 1969, p. 129; J. Nebez, *Die Schriftsprache der Kurden (Monumentum H. S. Nyberg)*, II, Leiden, 1975, S. 98).

аспектах) иранских языков. Автору же (не лингвисту) эта проблема, вероятно, показалась не столь актуальной, хотя язык, фактически, единственный источник для воссоздания ранней этнической истории курдов.

О доисламской религии курдов у нас нет достоверных сведений. Возможно, курды исповедовали язычество (может, часть из них также—зороастризм и христианство). Обобщая данные о религиозных верованиях курдов и их исламизации, автор приходит к выводу, что хотя исламизация курдов начинается с 30-х гг. VII в., тем не менее процесс этот вступает в силу, фактически, в IX в., а в X—XI вв. принимает массовый характер (с. 66—73).

Книга А. Поладяна написана на высоком научном уровне в духе подлинного историзма с превосходным знанием материала. Она является несомненным вкладом не только в науку о курдах, но и в историю вековой армяно-курдской дружбы как выражение искренних стремлений армянского автора осветить страницы далекой истории дружеского курдского народа.

ГАРНИК АСАТРЯН,
кандидат филологических наук